

Мимо острова Буяна...

Сергей Аксентьев *Продолжение, начало в №258*

Остров «красного адмирала»

20 февраля 1906 г. военно-морской суд приговорил главных руководителей мятежа на крейсере «Очаков» 39-летнего отставного лейтенанта Петра Шмидта, старшего баталера, 32-летнего Сергея Частника, 25-летнего члена судового революционного комитета матроса Никиту Антоненко и 24-летнего машиниста Александра Гладкова к высшей мере наказания – смертной казни.

По злой ли иронии судьбы, нелепому ли стечению обстоятельств, или, как утверждают приверженцы канонизации мятежного «красного адмирала», по трусости и беспринципности, руководил расстрелом «очаковцев» друг детства и однокашник по морскому кадетскому корпусу старший офицер канонерской лодки «Терец» лейтенант флота Михаил Ставраки.

Оба они (Шмидт и Ставраки) выходцы из офицерской среды. Отец и дядя Шмидта самоотверженно защищали Севастополь в лихую годину Крымской войны, дослужились до адмиральских чинов. Полный адмирал Владимир Петрович Шмидт, дядя Петра, после кончины похоронен в крипте Севастопольского Владимирского собора рядом с прославленными адмиралами Лазаревым, Корниловым, Нахимовым, Истоминым.

Друг детства и однокашник Шмидта по морскому кадетскому корпусу Михаил Ставраки по окончании Морского корпуса служил на Черноморском флоте. Он не обладал ораторскими способностями Петра, не распалял в воображении своей исторической предначертанности, не допускал либеральных заигрываний с нижними чинами.

Могила Петра Шмидта в Севастополе и обелиск в память расстрелянных «очаковцев» на острове Березань

Замкнутый и эгоистичный, лейтенант просто служил, как и большинство его сверстников. Читл память своего отца, героя обороны Севастополя, генерал-майора флота Михаила Ивановича Ставраки.

Из показаний бывшего старшего офицера канонерской лодки «Терец» Михаила Ставраки: «На берегу моря, на западной стороне острова Березань, были врыты четыре позорных столба и к северу от места казни были готовы могилы и четыре гроба. Взводы, назначенные для исполнения приговора, прибыли к месту казни к 7 часам утра на шлюпках с лодки «Терец», которой было приказано приблизиться как можно ближе к острову, чтобы в случае чего обстрелять части, пожелавшие бы освободить осужденных. Во второй линии расположились 4 взвода из Очаковской крепостной артиллерии, которым было приказано – в случае неповиновения людей, назначенных для учинения расстрела – открыть по

ним огонь. А первой линии, если в них будут стрелять сзади, повернуться, залечь и открыть огонь по второй линии, а старшим во взводах привести приговор в исполнение персонально, т. е. каждый взводный должен был подойти и в упор стрелять в одного из приговоренных. <...> Подведя осужденных к столбам, им захотели завязать глаза, но они все убедительно просили этого не делать, обещая оставаться спокойными, руки же были привязаны к столбам. Перед командой «пли» Частник, перегнувшись вперед, крикнул: «Прощайте, Петр Петрович», а П. П. глазами посмотрел на меня и крикнул: «Миша, прощай. Поцелуй сына. Кланяйся сестре». Затем последовали три беспорядочных залпа, и их не стало. П. П. и Частник были убиты сразу, а Антоненко и Гладков, в белых форменных рубахах, мычали. И были добиты ординарцем командира «Прута» ст. унт. офицером Далуда» [3].

После Февральской революции 1917 г. останки казненных мятежников временно перезахоронили в нижнем храме Севастопольского Покровского собора, а спустя шесть лет (14.11.1923) перенесли на Севастопольское городское кладбище Коммунаров. На могиле Шмидта и его товарищей установили гранитную глыбу, ранее лежавшую на могиле погибшего в 1905 г. командира броненосца «Князь Потемкин-Таврический» капитана 1 ранга Е. Н. Голикова.

В августе 1968 г. студенты Одесского инженерно-строительного и Николаевского кораблестроительного институтов недалеко от южной оконечности острова Березань возвели обелиск (архитекторы Л. И. Галкина и А. Н. Очаковский) в память расстрелянных «очаковцев». Железобетонный 15-метровый трилистник, стилизованный под паруса, и поныне отчетливо наблюдается как с моря, так и с суши.

Михаил Ставраки после выхода в отставку (октябрь 1911) в чине капитана 2 ранга, установил на могиле отца гранитный обелиск в виде стилизованной корабельной пушки, исповедовался настоятелю Никольского собора севастопольского Братского кладбища и поступил «по вольному найму» смотрителем маяка Ай-Тодор. С весны 1921 г. находился в Батуми, исполняя должность начальника управления безопасности кораблевождения Батумского укрепленного района и смотрителя маяков. В ночь с 28 на 29 июня 1922 г. был арестован за «преступную халатность, следствием чего стала растрата спирта и керосина, отпускаявшегося на освещение маяков, и отсутствие учета расходов из склада маяков материалов» [5]. Когда в ходе следствия выяснилось, что он руководил расстрелом на острове Березань, его под усиленным конвоем немедленно переправили в Севастополь. Там 3 апреля 1923 г. выездная комиссия военной коллегии Верховного суда РСФСР приговорила: «Ставраки, Михаила Михайловича, 56 лет, бывшего потомственного дво-

рянина... по ст. 67 УК и руководствуясь 1 ч. 58 ст. УК, к высшей мере наказания (расстрелу), с конфискацией его имущества» [5]. По некоторым данным, приговор привели в исполнение в том же месте, где на рассвете 6 (19) марта 1906 г. Ставраки командовал расстрелом своего однокашника по кадетскому корпусу и его сподвижников. Так распорядилась жизнь!..

Люди и маяки

Однажды свершившиеся события годы спустя могут вернуться в самом неожиданном облики.

Поздней осенью 1935 г., собирая материал для книги «Черное море», Константин Паустовский встретился с сестрой Петра Шмидта Анной Петровной Избаш. «А вы знаете, – вздохнув, сказала она, – как-то брат признался мне, что хотел бы стать маячным смотрителем, только где-нибудь подальше от городов. Хотя бы даже на Тарханкуте!» [6]. По признанию Паустовского, от такого откровения он вздрогнул. Память молниеносно высветила испитое, небритое лицо смотрителя Батумского маяка Михаила Ставраки и его предельно жесткие ответы на вопросы журналиста: «Кто может быть смотрителем маяка? Бывали ли случаи, что маяк не зажигался?»

«Чтобы быть смотрителем маяка, – чеканя каждое слово, отвечал Ставраки, – нужно забыть начисто прошлое. Тогда вы никогда не упустите зажечь фонарь. <...> Маяки не зажигались, только если смотритель умирал. Или сходил с ума. И если при этом он был совершенно один на маяке» [6].

Случайно ли маячные огни стали последними земными ориентирами двух бывших кадетов, каждый из которых в свою пору оказался у кромки расстрельного рва? Позволю себе предположить, что нет. Им, проросшим из крепких корней русского морского офицерства, с колыбели предполагалось стать командирами военных кораблей, открователями новых земель, а коль случится потреба, защитниками ве-

ликой морской державы. Но не закалив в житейских штормах волю и дух, не отточив глазомер, они не сумели меж всполохов революционных молний разглядеть свет предназначенных для них морских берегов. В этом, мне кажется, и есть горькая изюмина двух не сложившихся судеб.

Ограждать скалистый остров Березань маяками пытались давно, но достоверные сведения об этом имеются лишь с 1826 г. Тогда на южной оконечности острова установили дневные створы NW (77°30′) и SE (85°30′) в виде столбов с четырьмя подпорами, к вершинам которых крепились квадратные деревянные решетчатые щиты. Высота восточного (Переднего) знака от поверхности моря составляла 126 ³/₄ фута, а западного (Заднего) 149 футов [7]. После окончания Крымской войны створ перестроили, установив в 1856 г. два светящихся знака в виде деревянных усеченных пирамид с масляными фонарями наверху [8]. Этот створ вел корабли по северо-западному колену Очаковского фарватера Днепровского лимана. Старый же створ упразднили, оставив один знак для обозначения юго-западной оконечности острова.

В 1952 г. в средней части острова на развалинах бетонного сооружения, которое некоторые краеведы считают остатками турецкой крепости, поставили 20-метровую четырехгранную ажурную металлическую башню с автоматическим светоптическим аппаратом АСА-500. С наступлением вечерних сумерек Березанский маяк, действующий и поныне, посылает проблески зеленого огня, видимые в ясную погоду на судах, входящих в Днепровский лиман, с удаления четырех миль. В помощь ему круглосуточно работает радиомаяк.

Здравствуй, Березань!

Настала пора познакомиться с нынешней Березанью. Быстроходный катерок, заложив крутой вираж, устремился к острову. Выключив двигатель и завалив рулевую колонку, мой гид уверенно напра-

вил алюминиевое суденышко перпендикулярно кромке воды. Прощуршав штевнем о мелкую прибрежную гальку, катерок замер, высунувшись на полкорпуса на пляж. «Вот вам и Березань, – улыбнулся капитан. – Идите, осматривайте остров. В вашем распоряжении полтора часа». Упредив мой вопрос: «Почему один?», сообщил: «Это только кажется, что остров пустынен». Еще при подходе я заметил дымок костра на северном археологическом раскопе. Сейчас для «черных» копателей самая пора. Ученые не прибыли. Купальный сезон не наступил. Охрана, и так-то пустячная, еще с началом зимы разогнана из-за безденежья. Словом, копай – не хочу. Поэтому оставлять катер без присмотра нельзя. Не спойкойно здесь.

«Вам, – меняя тему, сообщил капитан, – нужно подняться по тропинке, а дальше идти прямо на стелу. Это не далеко. Сам остров не велик: менее километра по биссектрисе и около 600 м у основания в северной части. Возвращаясь, держите на этот крест, – он указал на вершину берегового кургана, увенчанную простым четырехконечным деревянным крестом. – Он виден хорошо со всех направлений. Да, забыл предупредить: смотрите под ноги. В густой траве много змей, в эту пору они активны».

Подъем наверх, на первый взгляд нетрудный, оказался довольно крутым и осыпающимся. Пришлось карабкаться, цепляясь за стебли травы и кустарника. А наверху – открылся фантастический мир, сотканный из небесной голубизны, пронизанной

солнечным светом, зелени разнотравья с пятнами белых ромашек, перекопанной ржавой земли, бетонных монстров в щербинах от снарядов и первозданной тишины. Вдали черным, зловещим штыком торчал монумент. Иду прямо на силуэт обелиска, оступаясь в скрытые густой травой ямки, овражки, спотыкаясь о невидимые глазу земляные бугры и камни. Наконец под ногами проступила каменная выцветшая на солнце до белизны плитка – остатки ритуальной тропы, заботливо выложенной устроителями мемориала. Теперь можно и осмотреться.

Справа остов разрушенного здания, за ним ближе к берегу оружейные капониры, заросшие бурьяном. На горизонте виден очаковский берег. Слева циклопические сооружения знаменитого секретного испытательного полигона, вызывающие ассоциации с мертвым городом, покинутым жителями с первыми ударами катастрофы. Первое ощущение: непригож этот остров для постоянного обитания, если даже

в такой яркий майский день от него веет могильным холодом.

Вот и скорбное место казни, обозначенное железобетонным трилистником. За 45 лет, прошедших с его установки, монумент основательно обветшал. Отколовшийся местами бетон, потрескавшиеся пилоны с проступающими ржавыми ребрами скелетной металлической арматуры представляли унылое зрелище. Судя по сохранившимся старым фотографиям, на одном из «парусов» памятника была сделана крупными бронзовыми буквами подобающая надпись, содержание которой, к сожалению, установить не удалось. На николаевских интернет-форумах сообщается, что в лихие 90-е годы тотального грабежа мародеры ради бутылки водки с нехитрой закуской срезали буквы на металлолом. Позже утраченное восполнили двумя небольшими мраморными досками. Чудом сохранившаяся наземная мраморная плита у подножья трилистника, едва заметная среди травы, лишь добавляет ощущения всеобъемлющего людского безразличия и беспамятства.

Растерзанный войнами, бомбами, алчностью и беспамятством брошенный остров молча сносит все несправедливости, бескорыстно продолжая хранить человека от морской стихии, предупреждая мореходов о коварстве Березанского канала днем 15-метровым скорбным обелиском, а ночью всполохами маячного огня. А вот стать сказочным Буяном – островом пушкинского великолепия и благоденствия – ему, похоже, не дано судьбой!..

Литература

1. Камицкий В. *Лейтенант Шмидт. Характеристика*. Крымгосиздат, 1925.
2. *Высочайший приказ № 365 от 29 сентября 1887 г.*
3. ЦГАКА, ф. 32620, оп. 3, д. 430, 1, лл. 38–39. Из показаний бывшего старшего офицера канонерской лодки «Терез» Ставраки, руководившего расстрелом П. П. Шмидта, С. П. Частника, Н. Г. Антоненко и А. И. Гладкова. 1923.
4. Болтенко М. Ф. *Исторические судьбы острова Березани // Записки Одесского археологического общества*. Одесса, 1960. Т. 1 (34). С. 38–46.
5. ЦГАКА, ф. 32620, оп. 3, д. 430 с, ч. II, лл. 454–455. Копия. По секретариату комиссара Морских сил Республики. Приговор. Институт истории АН СССР, Гл. архив. управление МВД СССР. М., 1957. С. 313–315.
6. Паустовский К. *Повесть о жизни. Бросок на юг // Маячный смотритель*. Кн. 2. М.: Госиздат Худ. Лит., 1962. С. 516–517.
7. *Описание маяков, башен и других предостерегательных для мореплавателей знаков Российской империи*. СПб.: Морская типография, 1845. С. 7–8.
8. Комарицына А., Корякин В. И., Романов В. Г. *Маяки России. Исторические очерки*. СПб.: ГУНиО МО РФ, 2001. С. 319.